

УДК 111

Научная статья

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ ОПЫТ И ЕГО СОБСТВЕННИК: АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ ЭГОЛОГИЗМА

Д.С. Турко*

Школа философии НИУ ВШЭ, 105066, ул. ст. Басманная 21/4, г. Москва, Россия

Аннотация. В данной работе отстаивается субстантивный эгологизм — позиция, согласно которой субъект опыта существует как отдельная от опыта сущность. Отталкиваясь от Декарта, автор доказывает «тезис собственника» (существование субъекта) на основе «тезиса принадлежности» (опыт существует только для субъекта). Затем делается попытка найти ментальную инстанцию, которая бы действовала как собственник ментальных содержаний и была независима от них. Эта инстанция — центр волевых актов сознания, который хорошо подходит на роль субстантивного субъекта. Делается вывод, что такой субъект независим от своих ментальных содержаний как манипулирующий ими агент, но одновременно порождается содержащимся в них аспектом принадлежности. В финальной части работы эта позиция сравнивается со взглядами современных философов субъективности К. Пикока, Д. Захави и Т. Бейна.

Ключевые слова: принадлежность опыта, субъект, опыт, самость, эгологизм, субстантивизм, феноменология, картезианство

Благодарности/Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90062.

Original article

CONSCIOUSNESS STUDIES EXPERIENCE AND ITS OWNER: AN ARGUMENT FOR EGOLOGISM

D.S. Tourko

The School of Philosophy, National Research University “Higher School of Economics”, 105066, St. Basmannaya Street, 21/4, Moscow, Russia

Abstract. In this paper, an attempt is made to defend substantivist egologism — the view according to which the subject of experience is an entity distinct from its

* © Д.С. Турко, 2022

mental contents. Along roughly Cartesian lines, the author proves the owner thesis (subject-as-owner-of-mental-states exists) on the grounds of the ownership thesis (experience exists only for a subject). Is there a mental entity which acts as the owner of mental contents and is independent of them? The paper argues there is. This entity is the center of volitional acts of consciousness. It is then suggested that such a centered subject is independent of its mental contents as their owner, but at the same time it is brought into being by the intrinsic qualitative ownership of experience. Finally, this position is juxtaposed with those of Peacocke, Bayne and Zahavi.

Keywords: ownership, subject, experience, self, egologism, substantivism, phenomenology, Cartesianism

Acknowledgments/Financial Support

The reported study was funded by RFBR, project number 20-311-90062.

В последние годы тема принадлежности опыта обсуждается весьма широко¹. Ею занимаются феноменологи, аналитические философы и психиатры — исследователи бреда контроля и синдрома «чужих мыслей» при шизофрении [2; 4; 5]. В философской литературе предлагаются различные подходы к трактовке феномена принадлежности. В. Фашинг [6] считает, что не существует отдельного собственника, которому бы принадлежал опыт, поскольку субъект опыта — само сознание. Х. Бермудес [1] отрицает существование «феноменологически значимого» (phenomenologically salient) чувства принадлежности. Ш. Галлахер [2] отделяет чувство агентности от чувства собственности, присущего нашим ментальным состояниям. Д. Захави [3] и Ш. Галлахер [2, 872] определяют чувство собственности в феноменологических терминах — как дорефлексивное аффективное состояние, благодаря которому я не могу сомневаться, что мой опыт — это мой опыт. М. Альбахари разделяет чувство собственности на личное и перспективистское (personal ownership and perspectival ownership) [7, 53–55]. Чувство личной собственности («Это **мои** ментальные состояния») приводит, согласно буддийской точке зрения, которую защищает Альбахари, к иллюзии существования самости, тогда как перспективистская собственность — это не более чем переживание событий из определенной, но вполне обезличенной ментальной перспективы. Для Д. Захави и У. Кригеля [8] принадлежность — не «что», а «как» опыта, то есть способ его данности и его формальная характеристика. Принадлежность не встречается отдельно от опыта, поэтому ее и нельзя обнаружить в дефляционистской интроспекции юмовского типа. В «Трактате о человеческой природе» Юм, исследуя свою ментальную жизнь, признавался в невозможности найти какую

¹ В англоязычной литературе этот аспект опыта носит названия *myness* [1], *sense of ownership* [1; 2]; *first-person-givenness*, *mineness* и *for-me-ness* [3].

бы то ни было самость — только отдельные ощущения, вроде тепла и холода, наслаждения и боли². Захави [3, 126] утверждает, что Юм в своем анализе не заметил того, что составляет сущность самости — принадлежность опыта субъекту. В конце концов, переживая тепло и холод, Юм не мог сомневаться, что эти ощущения принадлежат именно ему. Захави и Кригель заключают, что никакое корректное описание сознания не может обойтись без упоминания принадлежности опыта (*for-me-ness*).

Как видно из этого краткого обзора, вопрос принадлежности опыта неминуемо приводит нас к разговору о природе отношения субъекта и сознания. Утверждение о принадлежности опыта связывает нас «онтологическими обязательствами»: если опыт действительно принадлежит кому-то, этот кто-то — субъект опыта — должен существовать. М. Сидериц, Э. Томпсон и Д. Захави [10, 4] полагают, что мы можем разбить все позиции относительно самости, эго и субъекта на три группы теорий: субстанциалистские, нонсубстанциалистские и антиэгологические (*non-self theories*). Субстанциалисты видят самость как отдельный субъект опыта и носитель ментальных состояний. Нонсубстанциалисты согласны, что у сознания есть эгоизмерение, но понимают его как феноменальное сознание в целом или как определенное его свойство, например, свойство принадлежности опыта [3, 125]. Альтернатива между субстанциализмом и нонсубстанциализмом — это выбор между центрированным, плюсным и обособленным субъектом, с одной стороны, и субъектом минимальным, фоновым, разлитым в опыте, или отождествленным с сознанием — с другой. Что касается антиэгологов, то они не видят необходимости постулировать существование какой бы то ни было феноменальной или онтологической самости.

В данной работе будет предложен аргумент в пользу эгологизма, причем субстанциалистского толка. В первой части статьи попытаемся доказать «тезис собственника» (существование субъекта опыта), отталкиваясь от «тезиса принадлежности» (любой опыт с необходимостью принадлежит субъекту). Во второй части будет сделан противоположный ход: автор попытается найти в нашей ментальной жизни инстанцию, которая действует, как собственник ментальных состояний, и тем самым обосновать реальность субъекта субстантивного типа.

1. Тезис собственника: это мой опыт, следовательно, я существую

Принадлежность опыта фигурирует в нашем сознании как чувство принадлежности опыта мне (*mineness* или *sense of ownership*).

² Трактат о человеческой природе. Кн. 1, ч. 4, раздел 6 [9, 251].

Это чувство есть у каждого индивида относительно отдельных состояний сознания этого индивида: своя боль ощущается не так, как чужая, и обладание опытом боли дано мне непосредственно и встроено в мое переживание боли³. Но значение этой проблемы выходит за пределы феноменологии. Она имеет большое онтологическое значение, так как постулирование необходимой принадлежности опыта связывает нас онтологическими обязательствами: если опыт обладает неотъемлемым качеством принадлежности, то должен существовать и тот, кому этот опыт принадлежит. Если опыт принадлежит и не может не принадлежать, значит, картезианский субъект существует, ведь собственность подразумевает наличие независимого от нее собственника.

Картезианское «когито»⁴ интерпретируют как переход от посыла, что что-то является, к заключению, что должен существовать тот, кто является. Другими словами, это переход от опыта к реальному субъекту, или от феноменологии к онтологии. Гален Стросон интерпретирует «Я мыслю, следовательно существую» Декарта как «Я обладаю сознательным опытом, следовательно, я существую как субъект этого опыта»⁵. От достоверности принадлежности опыта мы переходим к достоверности бытия собственника. Тогда классический картезианский аргумент можно записать следующим образом.

П1. То, что мыслит, существует (= То, что имеет опыт, существует).

П2. Я мыслю (= У меня есть опыт).

В. Я существую.

Широко известна критика Декарта Георгом Лихтенбергом [15, 412]. Согласно Лихтенбергу, переход от мышления к субъекту — *non sequitur*: следует говорить не «я мыслю», а «нечто мыслится», или «происходит мышление», как мы говорим, «сверкает молния». В XX в. этот же контраргумент повторит Ж.-П. Сартр [16]. Однако если мы принимаем тезис о необходимой принадлежности опыта, это возражение легко преодолевается: «мышление», то есть опытная репрезентация чего бы то ни было, не может быть ни анонимным, ни «ничьим», то есть не может находиться в интересубъективном пространстве, подобно сверкающей молнии. Помимо того, что я не могу сомневаться, что кто-то мыслит, я не могу сомневаться, что

³ В аналитической философии XX в. на этот феномен впервые обратил внимание С. Шумейкер с его идеей о невозможности для некоторых ментальных состояний быть по ошибке приписанными другому субъекту [11]. Однако сходная интуиция, по-видимому, была и у Витгенштейна с его делением Я на «Я как субъект» и «Я как объект» [12, 67–69].

⁴ Рассуждение о методе. Ч. 4 [13, 32].

⁵ Как утверждает Стросон, «Наиболее ясный современный перевод 'cogito, ergo sum' — 'Я переживаю опыт, следовательно, я существую'» [14, 339].

это мыслю именно я, а не кто-то другой, так как субъект данности опыта совпадает с субъектом его принадлежности. Если речь идет об опыте, пользование и владение с необходимостью тождественны. Скорректируем первоначальный аргумент.

П1. Есть опыт (*cogito*).

П2. Любой опыт принадлежит субъекту, который его переживает, и только ему («тезис принадлежности»).

В. Есть собственник опыта — субъект опыта («тезис собственника»⁶).

В более сильной, онтологизированной форме тот же самый аргумент выглядит так.

П1. Опыт реален.

П2. Опыт не может существовать без субъекта, который его переживает.

В. Субъект реален.

Трудно оспаривать первую посылку. Каждый из нас отдает себе отчет в том, что нечто переживается, ощущается и существует в сознании в виде ментальных содержаний. Как видно, чтобы доказать «тезис собственника», остается доказать «тезис принадлежности» (вторую посылку). Для этого надо показать, что принадлежность — действительно необходимое качество опыта. В пользу этого я предлагаю аргумент от уже упомянутой логической невозможности анонимности опыта.

Опыт не существует независимо от сознания так, как, согласно метафизическому реализму, существуют предметы за пределами сознания. Поэтому опыт не анонимен: он всегда принадлежит определенному субъекту и только этому субъекту⁷. Инстанция опыта *e* может принадлежать не более и не менее, чем одному субъекту *s*. Поэтому инстанция опыта *e* с необходимостью обладает свойством «принадлежать *s*», где *s* — субъект, переживающий *e*.

Свойство принадлежности — отнюдь не просто формальное свойство любого опытного эпизода, которое относит его к тому или иному сознанию, наподобие индексов «тут» или «там» (или «в этой (моей) ментальной жизни» или «в той (вашей) ментальной жизни», как утверждает Д. Парфит [18, 517]). Мы опознаем свой опыт как свой, потому что ощущаем его как свой. Для сознательного опыта «принадлежать субъекту» означает быть связанным с этим субъектом и формальным, и феноменологическим отношением собственности. Другими словами, опыт с необходимостью обладает феноменологи-

⁶ Г. Стросон называет эту необходимую принадлежность опыта субъекту “the subject thesis” [14, 271].

⁷ Как зафиксировал эту позицию Уильям Джеймс, «моя идея (thought) относится к моим прочим идеям, а ваша — к вашим прочим идеям» [17, 224–225].

чески реализованным свойством «принадлежать s », где s — субъект, переживающий опыт.

Необходимо рассмотреть следующее возражение против тезиса принадлежности. Мы пытаемся доказать «тезис собственника», отталкиваясь от «тезиса принадлежности». Но что в данном случае означает «принадлежать»? Не принадлежит ли мне мое тело, которое находится в различных нейрофизиологических состояниях? Эти состояния, в свою очередь, порождают сознательный опыт. Принадлежность ментальных состояний организму r означает, что r находится в нейрофизиологических состояниях, коррелятивных ментальным состояниям r (вопрос о каузальной и генетической зависимости эти двух видов состояний r здесь не играет роли). В этом случае вопрос о принадлежности становится тривиальным.

Так, Х. Бермудес [1] пишет о двух различных концепциях чувства собственности (ownership) в современной литературе: дефляционистской и инфляционистской. Для дефляционистов чувство принадлежности, во-первых, — «определенные факты» о феноменологии телесных ощущений (а именно то, что я могу испытывать только те ощущения, которые причинены определенными состояниями моего тела), во-вторых, — «суждения собственности» о своем собственном теле (например, «Я чувствую боль» означает «Мое тело находится в состоянии боли»). С другой стороны, для инфляционистов [2; 3; 8; 19; 20] чувство собственности дорефлективно и всегда-уже содержится в структуре опыта. С их точки зрения, опыт невозможно логически отделить от принадлежности, поэтому нельзя дать феноменологически корректное описание сознания без учета принадлежности опыта. Собственность, или принадлежность опыта мне, — это необходимое свойство опыта, встроенное в любой феноменальный эпизод.

Х. Бермудес настаивает на том, что корректно мыслить собственность только с дефляционистской точки зрения. Вопреки позиции Бермудеса, представляется верным, что не только данные в опыте состояния тела, но и любой опыт как таковой с необходимостью принадлежит своему субъекту, и что феноменальная принадлежность несводима к телесной. Предложим следующие соображения в пользу инфляционистского подхода к принадлежности опыта.

Во-первых, телесный и феноменальный типы принадлежности по-разному проявляются в экспериментальных условиях. Так, исследования К. Лианг и коллег [21] на основе иллюзии резиновой руки и иллюзии всего тела (full body illusion) показали, что принадлежность телесных состояний (body ownership) и феноменальная принадлежность (experiential ownership) отделяемы друг от друга. Когда стимуляция руки испытуемого и стимуляция видной ему резиновой руки проводились асинхронно, опытная принадлежность («Это я

испытываю прикосновение») сохранялась в отличие от телесной принадлежности («Это моя рука»)⁸.

Во-вторых, более общим аргументом в пользу постулирования феноменальной принадлежности сильного типа может служить и эпистемический разрыв между нейрофизиологией и философией сознания. Пример такого разрыва — феноменальная цельность самости, которая присутствует в любом непатологическом человеческом опыте, но которую невозможно обнаружить в нейрофизиологическом субстрате. Согласно часто цитируемому исследованию [25], с точки зрения нейрофизиологии самость локализована в кортикальных структурах средней линии (cortical midline structures). Вопреки этому, более поздний обзор К. Фогеля и Ш. Галлахера [26] показывает, что зоны, отвечающие за разные аспекты самости, локализованы в разных отделах мозга: самость «везде и нигде» [27, 4]. Самость феноменологии «от первого лица», или, как выражаются ее критики, «фолк-феноменологии», — цельное, центрированное и волящее начало, судя по всему, лишена какого бы то ни было нейрофизиологического коррелята. Если это действительно так, то аналогичным образом инфляционистская феноменальная принадлежность может быть явлением, которое невозможно редуцировать до дефляционистской телесной принадлежности. Если *what's-it-likeness* опыта — принципиально не локализуемое в исследованиях «от третьего лица» свойство опыта (или сознания вообще), то таким же свойством вполне может быть и принадлежность опыта. Более того, теоретики-инфляционисты подчеркивают, что ключевым свойством сознательного опыта в большей степени, чем его квалитативность (*what's-it-likeness*), является его данность-мне (*what's-it-like-for-me-ness*), фундаментальная как раз для выражения субъективного характера опыта [28].

Возвращаясь к защите тезиса принадлежности, стоит отметить, что каждому из нас принадлежит только наш собственный опыт и ничей другой, потому что мы используем различные методы аскрипции, чтобы приписать ментальные состояния себе и чтобы приписать эти состояния другим индивидам. Приписывание состояний себе с необходимостью имеет вид убеждения *de se*, которое включает в себя, но не исчерпывается приписыванием свойств себе в модаль-

⁸ См. также исследование Зюноффика и коллег [22], обосновывающее, в свою очередь, гетерогенность чувства принадлежности (*sense of ownership*, SO) и чувства агентности (*sense of agency*, SA). Галлахер в более ранней работе [23] утверждает, что SO и SA, как правило, тесно переплетены и размыкаются только в случае произвольных действий и патологических состояний, вроде синдрома чужих мыслей при шизофрении. При этом не все философы психиатрии согласны с правоммерностью разграничения SO и SA [24].

ности *de dicto* [29]⁹. Собственные ментальные состояния субъекта автоматически *de se* в том отношении, что они приписываются совершенно спонтанно: пропозиция «Я ощущаю боль, но эта боль не моя» абсурдна с логической точки зрения. Эта спонтанность — еще один довод в пользу тезиса принадлежности: некоторые опытные состояния таковы, что они с необходимостью приписываются (а значит, принадлежат) одному и только одному субъекту, и сила этой связи такова, что эти опытные состояния не могут быть приписаны себе ошибочно¹⁰. Это явление также объясняется тем, что субъект, которому принадлежит опыт, эпистемически изолирован от других субъектов и не может быть локализован в интересубъективном пространстве так же, как мы локализуем «полные» субъекты из плоти и крови. Критерии индивидуации, которые мы применяем для отличия одного организма от другого, не имеют ничего общего с критериями, которые мы применяем для отличия себя от не-себя. Следовательно, субъект, которому принадлежит опыт, не может быть отождествлен с субъектом-организмом. В этом отношении дефляционистский подход к принадлежности, который описывает ее в терминах принадлежности организму, вновь выглядит менее выгодным, чем инфляционистский.

Итак, в данном разделе была сделана попытка доказать тезис принадлежности — вторую посылку в модифицированном варианте картезианского аргумента, который переходит от необходимой данности опыта к существованию его владельца. Первая посылка («опыт существует») выглядит интуитивно истинной в силу того, что каждый из нас знает о самом себе. Тогда, если нам удалось доказать вторую посылку, это подводит к выводу о существовании отдельного от опыта субъекта. После этих в общем-то тривиальных рассуждений предложим оригинальный аргумент в пользу тезиса собственника, который уже не отталкивается от тезиса принадлежности.

2. Субстантивизм: в пользу обособленного субъекта

Вернемся к упомянутой выше классификации позиций в философии субъективности. Эгологизм, в отличие от антиэгологизма, постулирует реальность субъекта, эго, или самости. Классический вариант

⁹ В терминах Д. Льюиса, «*de se* включает в себя (*subsumes*) *de dicto*, но не наоборот» [29, 521]. Помимо Льюиса, на наличие в убеждениях *de se* особого рода рефлексивной атрибуции указывали Дж. Перри и Р. Чизем.

¹⁰ Ср.: «Я понял, что он не чувствует боль, а лишь притворяется» и «Я понял, что не чувствую боль, а лишь притворяюсь». Второе предложение звучит странно в силу того, что собственные ментальные состояния обладают иммунитетом к ошибочному отождествлению с другим субъектом, другими словами, мы не можем ошибиться в том, что этот опыт (это состояние) принадлежит нам, а не кому-то другому. Об этом см. уже упомянутую статью Шумейкера [11].

эгологизма — субстантивизм¹¹, который утверждает существование отделенного от опыта и независимого субъекта. Субстантивизм можно охарактеризовать следующим образом: за пределами опыта или над опытом существует инстанция, которая феноменологически или даже метафизически отделена от опыта. Эта инстанция «владеет» опытом и делает его возможным. Субъект опыта *s*, которому принадлежит опыт, существует как вещь за пределами феноменологической реальности, или как вещь, обладающая «более-чем-опытным» бытием. Хрестоматийный пример субстантивистского эгологизма в философии Нового времени — картезианство. Среди современных субстантивистов можно назвать неокартезианцев Джона Фостера [31] и Дэвида Ланда [32], которые оба занимают неокартезианскую дуалистическую позицию. В классической философии субстантивизм был подвергнут критике Д. Юмом [9] и Г. Лихтенбергом [15, 412], а затем И. Кантом в порядке критики «рациональной психологии» и психологического паралогизма (КЧР В399-428). Субстантивизм непопулярен и среди современных философов, которые занимаются темами субъекта и самости. Ж.-П. Сартр [16] и А. Гурвич [33] критикуют эгологизм на том основании, что сознание не нуждается в постулировании эго и в целом исчерпывается механизмом интенциональности, ноэматическим предметом и внутренним дорефлективным самосознанием (*pre-reflective self-consciousness*). Согласно Сартру, эго рождается только в момент рефлексии и существует как «трансцендентный» объект — такой же, как как стол, гора, ненависть или закон природы. Другие антиэгологи вообще отвергают существование какого-либо субъекта, или самости (такую позицию можно назвать антиреализмом относительно самости). Они делают это на разных основаниях. Так, Т. Мецингер занимает дефляционистские и нейрофилософские позиции [34–37]. Для Мецингера опыт самости от первого лица не репрезентирует ничего и должен быть отвергнут, тогда как для Т. Маклелланда [38] опыт самости — это ложная репрезентация реального предмета (мозга). Некоторые антиреалисты, такие как Д. Деннет [33] и Б. Худ [34] понимают самость как абстрактный и пустой «центр нарративного притяжения» наподобие центра тяжести в физике. Отвергают субстантивизм и нонсубстантивные эгологи, такие как В. Фашинг [6] и Э. Лоу [30]. Те из них, кто разрабатывает минималистическую модель самости (*minimal self*), определяют субъект как неотъемлемое свойство опыта — принадлежность или данность опыта субъекту (Захави) [3, 106] или же отождествляют его с опытом (Гален Стросон) [14, 346].

¹¹ Ту же позицию называют субстантивализмом [30] или субстанциализмом [10]. У Гуссерля эго субстантивизма называется полюсом Я (*Ich-Pol*) (СМ IV, §31), у Захави — *pure identity pole* [3, 104].

Несмотря на непопулярность субстантивизма в современной философии, в данной статье будет предложен аргумент в его пользу. Чтобы защитить субстанциальный эгологизм, необходимо показать, что есть нечто, выполняющее специфическую и нередуцируемую роль в нашей ментальной жизни. В случае, если нам удалось выше доказать тезис принадлежности опыта, можно было бы обойтись следующим аргументом против антиэгологизма, не слишком отличающимся от картезианского «когито».

П1. Опыт с необходимостью принадлежит («тезис принадлежности»).

П2. Есть тот, кому он принадлежит.

В. Есть собственник опыта.

И далее можно выдвинуть простейший аргумент против несубстанциального эгологизма.

П1. Есть собственник опыта.

П2. Собственник и собственность не могут быть тождественны.

В. Субъект и опыт не тождественны.

Если субъект и опыт не тождественны, субъект существует как отдельная вещь, то есть как сущность, которой принадлежат опыт и ментальные содержания и которая способна на манипуляции с этими содержаниями. Опыт существует не как свойство или состояние субъекта, а как «собственность» субъекта, зависящая от собственника, но логически отделимая от него. Но предположим, что оппонентов субстантивизма не убеждает такое доказательство тезиса принадлежности. Например, они могут заявить, что в двух аргументах выше содержится циркулярность: в тезисе принадлежности уже в скрытом виде есть субстанциалистский вывод.

Поэтому предложим другой аргумент в пользу субстанциализма. Этот аргумент не отталкивается от тезиса принадлежности. Вместо этого укажем на сущность или инстанцию в нашем сознании, которая удовлетворяет субъекту, как его описывает тезис собственника: субстантивный субъект — это то, что буквально ведет себя со своими ментальными содержаниями как их собственник.

Если нечто в нашем сознании распоряжается ментальными содержаниями как собственник, тогда это нечто должно существовать независимо от опыта — так, как якобы существует субстантивный субъект. Пойдем от противного и не будем описывать этого собственника, а постараемся найти вещь, которая бы удовлетворяла «условию собственника»: если x относится к опыту как собственник этого опыта, то x — субъект этого опыта.

Другими словами, для всякой вещи «быть собственником опыта» — необходимое и достаточное условие, чтобы быть субстантивным субъектом. Ни антиэгологисты, ни минималисты не описывают

субъект как отдельного от опыта собственника. Поэтому наша задача — указать на сущность, которая устанавливает с ментальными содержаниями отношения собственности, но при этом заранее не характеризовать ее как субъект. Есть ли в нашем обыденном опыте такая сущность? Чтобы найти ее, применим «аргумент абстракции». Суть его в том, что существует инстанция S , которая способна инициировать определенные отношения с ментальными содержаниями сознания. Эти отношения такого рода, что S выглядит как собственник ментальных содержаний. При этом S не смешивается с опытом и действует как отделенная от него сущность. S способна абстрагироваться от содержаний сознания: между S и ментальными содержаниями есть зазор или дистанция, которая никогда не может быть преодолена полностью.

Приведем четыре примера таких отношений: смена установки, манипуляция, приближение-отдаление и абстракция в контрфактуальных высказываниях и воображении.

1. *Смена установки.* В нашей ментальной жизни есть инстанция S , которая может занимать различные пропозициональные установки по отношению к своим ментальным содержаниям m . Если m — искомое решение задачи, S может радоваться обретению m , если m — неприятное воспоминание, S может пытаться подавить m , если m — важная деталь, S может желать сохранить и не забыть m . Тут S исполняет такую же функцию, как чистое $Я$ в § 80 «Идей I» Э. Гуссерля [41]: оно является источником всех ноэтических актов. S может принимать установки по отношению к тому или иному ментальному содержанию, которые «окрашивают» его в цвета радости, гордости, ярости, ностальгии, стыда. Она может менять эти установки даже по отношению к одному и тому же содержанию, например, воспоминанию. Со временем мы можем начать относиться к одному и тому же эпизоду в нашей жизни не так, как относились ранее, и часто это смещение происходит спонтанно. Но в любой момент мы также можем произвольно занять избранную установку к этому эпизоду. Что есть та инстанция, которая осуществляет смену установки?

2. *Манипуляция.* S также может манипулировать своими содержаниями в более абстрактном ключе: анализировать, менять, подавлять, вызывать из памяти, устанавливать и разрушать связи, принимать или отвергать пропозициональное содержание. Г. Франкфурт [42] утверждает, что критерий личности — обладание «желаниями второго порядка», то есть манипуляции описанного рода со своими (первопорядковыми) желаниями. Согласно подходу Франкфурта, меня делает личностью не просто знание о своих недостатках, а желание их преодолеть. Это слишком узкое определение личности, но в нем схвачена интуиция о нашей способности совершать операции второго порядка

с уже имеющимися содержаниями. Что есть та инстанция, которая может манипулировать ментальными содержаниями?

3. *Приближение и отдаление.* *S* может удаляться от содержания *t* или углубляться в него. А. Гурвич начинает свою влиятельную статью 1941 г. с наблюдения, что чем сильнее мы интендируем и чем больше погружаемся в объект, тем меньше остается субъекта [33, 325]. Погруженные в мир, мы забываем о противоположном полюсе сознания, который якобы репрезентирован чистым эго. Это действительно так: увлеченные чем-то, мы «забываемся», сливаемся со своей деятельностью, переходим в состояние, которое психологи называют *flow*. Но субъект-собственник никогда не сливается со своим опытом полностью и всегда способен вновь занять к нему определенную дистанцию. Специфика ментальной жизни такова, что субъект может в достаточной степени погрузиться в поток сознания, но никогда не растворяется в нем. Что есть та инстанция, которая может приближаться и отдаляться от ментальных содержаний?

4. *Абстракция в контрфактуальных высказываниях и воображении.* *S* может абстрагироваться от *t* в контрфактуальных предложениях («Если бы я не увлекался музыкой, то был бы другим человеком») или в ментальных упражнениях типа картезианского сомнения. По отношению к любому *t* я могу представить себя так, что я лишен *t*, но я не могу представить себя без того, кто переживает это ментальное состояние или обладает этим содержанием. С одной стороны, *S* — это то, что совершает акт абстрагирования. С другой — это то, что остается, если бы мы смогли абстрагироваться от всех своих содержаний. Еще один смысл картезианского сомнения заключается в том, что мы можем заключить в скобки все, кроме самих себя, понимаемых как то, что осуществляет заключение в скобки. Я мог бы никогда не обладать любым *t*, но я никогда не могу представить себя без того, кто находится в этом состоянии или обладает этим содержанием (потому что это и есть Я по преимуществу). Для каждого сознания конкретные элементы опыта контингентны, но тот, кто владеет опытом, необходим. Что есть эта необходимая инстанция?

Итак, если 1–4 — валидные наблюдения, то инстанция *S* может занять пропозициональную установку по отношению к своему ментальному содержанию *t*, может манипулировать *t*, отдаляться от или приближаться к *t* и абстрагироваться от *t* в воображении. Легко согласиться, что описанные феномены тривиальны, естественны и постоянно случаются в ментальной жизни любого человеческого индивида. Тогда об инстанции *S* можно сделать следующие выводы.

(1) *S* отделена от своих ментальных содержаний и не тождественна им, иначе *S* не смогла бы спонтанно и произвольно манипулиро-

вать ими. Этот вывод противоречит идее минимального эгологизма в духе Захави, когда самость понимается как неотъемлемое свойство опыта. Если S отделена от опыта, она не может быть его свойством.

(2) S работает с содержаниями, как будто они принадлежат ей, — привлекает и отдаляет, принимает и отбрасывает, устанавливает и разрывает связи между ними. В этих наблюдениях принадлежность ментальных содержаний S выходит за пределы как чисто формальной отнесенности к тому или иному сознанию, так и феноменологического чувства обладания. Принадлежность здесь напоминает вещественную принадлежность: ментальные содержания становятся тем, чем инстанция S может манипулировать, хоть и не абсолютно свободно.

(3) S никогда не смешивается с содержаниями (хотя может «погружаться» в них и «отдаляться» от них, быть дальше или ближе).

(4) S выглядит как источник волевых актов, направленных на ментальные содержания сознания. Эти волевые акты реализуются как произвольные манипуляции, смена установок, приближение, отдаление и абстрагирование от своих содержаний.

(5) S — источник волевых актов, видимо, никак не дан нам в опыте¹². Это и делает возможной «анонимную» антиэгологическую или дескриптивно-феноменологическую интерпретацию сознания в духе «Логических исследований» Гуссерля или феноменологии Сартра.

Как видно, S удовлетворяет «условию собственника» выше. S — это и есть субъект, по крайней мере, непатологический человеческий субъект, и все описанные отношения между S и ментальными содержаниями — это отношения между субъектом и ментальными содержаниями этого субъекта. S — это субъект, потому что между S и опытом — отношения собственности; кроме того, между ними отношения приватности: опыт доступен только S . Поэтому тезис собственника верен: мы нашли ту инстанцию, которая удовлетворяет референту собственника в этом тезисе. Если тезис собственника верен, то субстантивизм верен: по крайней мере, до всяких онтологических выводов субъект выглядит так, что он существует как отдельная, обособленная, автономная вещь (потому что совершение всех описанных выше операций, которые совершает S , требует от него этой обособленности и автономии). В виде аргумента:

П1. Если x относится к опыту как собственник этого опыта, то x — субъект этого опыта («условие собственника»).

П2. S относится к опыту как собственник этого опыта.

¹² Интуитивное осознание, что субъект не может быть объектом, была высказана как в индийской, так и в западной философии (КЧР А402). Впрочем, Г. Стронсон утверждает, что субъект все-таки дан в опыте: по его мнению, каждый из нас стихийно переживает самого себя как субъект опыта, который является единой ментальной вещью [14, 186].

В. S — субъект этого опыта.

Из наблюдений и выводов выше следует, что S — субстантивный субъект. S существует как отдельная активная, действующая и волящая инстанция, и S не тождественна опыту. Тогда

П1. S существует (из описанных наблюдений).

П2. S — субстантивный субъект (так как S удовлетворяет условию собственника).

В. Субстантивный субъект существует.

Здесь антиэгологисты возразят, что наблюдения выше — это, в лучшем случае, «фолк-феноменологическое» описание разных ментальных способностей от первого лица. Даже если согласиться, что описание корректное, оно не подталкивает нас ни к каким метафизическим выводам. Субъект от силы *выглядит* в нашем стандартном опыте как субстантивный, но из этого отнюдь не следует, что он является субстантивным, то есть существует как отдельная, независимая вещь. Такие элиминативисты, как Д. Деннет и Т. Мецингер [34], говорят о ничтожности феноменологических наблюдений от первого лица.

У нас действительно нет веских причин постулировать существование картезианской мыслящей вещи, то есть онтологического субстантивного субъекта. Все наблюдения выше были призваны доказать реальность *феноменального* субстантивного субъекта, то есть инстанции, которая есть в ментальной жизни непатологического человеческого сознания. Переход от феноменологии к онтологии пока не был совершен. Но даже ментальные сущности — такие, как опыт, самости, сознания и субъекты, а также их свойства, — дают нам право говорить об онтологии¹³. «Обладать опытом» — свойство некоторых живых систем. Эти системы реальны. Значит, их свойства также реальны. Онтологического зазора между ментальным и физическим не существует, потому что ментальное эмерджентно на физическом. Но физическое реально, следовательно, реально то, что эмерджентно на реальном. Реально, что я испытываю боль, вижу красное или нахожусь в ментальном состоянии, вызванном работой над текстом¹⁴.

Вернемся к центральной теме статьи. Какая связь между принадлежностью, данностью-мне или обладанием, с одной стороны, и аргументом абстракции — с другой? Она заключается в том, что принадлежность-мне обеспечивает инстанции S, или субъекту волевых актов, направленных на ментальные содержания, доступ к этим содержаниям. Здесь мы переходим от «тезиса собственника»

¹³ Здесь я следую в русле «реального материализма» Стросона, то есть такого материализма, который признает опыт частью физической реальности [14, 288].

¹⁴ Более подробную разработку этих тезисов см. в: [43].

к субстантивизму: если есть то, что ведет себя, как собственник, распорядитель, манипулятор моих ментальных состояний, то это и есть то отдельное от опыта, чему принадлежит опыт. И напротив: принадлежность опыта обеспечивает собственнику возможность распоряжаться своими содержаниями. Принадлежность делает возможным отношение собственности. Конечно, я не всегда могу абстрагироваться от своего сейчас, вызывать к жизни нужное воспоминание или отбросить неприятное предчувствие. Но порой сделать это не составляет для меня труда, и способность к такой произвольной манипуляции является признаком непатологического субъекта.

Субстантивный субъект — не просто пассивный зритель «картезианского театра». Он активно вмешивается в события своей ментальной жизни. Но очевидно, что субъект-собственник не может находиться за пределами сознания, потому что так он не имел бы доступа к содержаниям сознания. Остается лишь заключить, что собственник — это центр или полюс сознания. Такая картина отбрасывает нас к центрированному виду сознания, на одном полюсе которого — субъект, на другом — его содержания. Существенным аргументом в пользу субстантивного эгологизма является то, что без постулирования фигуры собственника тяжело или невозможно объяснить наблюдения выше. Если в нашем сознании существует источник квазивольевых актов, направленных на ментальные содержания сознания, и этот источник может быть правдоподобно назван субъектом, потому что ему принадлежат эти содержания, то субъект существует как отдельная заопытная или надопытная сущность. Трансцендентность этой сущности по отношению к опыту обеспечивается, с одной стороны, ее статусом собственника, с другим — тем обстоятельством, что эта сущность не дана в опыте непосредственно. Поэтому «аргумент абстракции» — это аргумент и против нонсубстанциального эгологизма, и против антиэгологизма.

Откуда берется собственник? В самом начале работы, приняв тезис принадлежности, мы предварительно согласились с мнением, что опыт не существует без субъекта. Теперь сформулируем две импликации:

- 1) субъект существует, если существует опыт;
- 2) опыт существует, если существует субъект («тезис принадлежности»).

Принятые вместе, эти два тезиса порождают эквиваленцию, которую Пикок называет *the interdependence thesis*¹⁵: события в сознании находятся в созависимости с субъектами этих событий, то есть [субъект] ↔ [опыт]. С одной стороны, согласно наблюдению

¹⁵ В работах [44–46].

4 (абстракция в воображении), мы можем представить субъект безо всяких содержаний, но не можем представить себя без субъекта (то есть себя без себя). С другой стороны, принимая во внимание необходимую интенциональность сознания, мы подходим к выводу, что субъект и опыт порождают друг друга. Сравнительное многообразие человеческих опытных способностей, феноменальный материал которых содержит неотъемлемый аспект принадлежности, порождает феноменальный субстантивный субъект. Но можно предположить, что это верно только в человеческом случае и что у организмов, которые не обладают таким же многообразием опытных способностей и, следовательно, многообразием опыта, кумулятивный эффект принадлежности опыта не приводит к появлению субстантивного субъекта.

Хотя два элемента сознания — его содержания и его центр — находятся в онтологической зависимости друг от друга, они все же различимы. Такую позицию можно назвать корреляционизмом субъекта и опыта. Субъект-собственник существует благодаря опыту и зависит от него не меньше, чем опыт от субъекта. Субъект порождается опытом, но всегда устойчив в виде полюса сознания, из которого исходят волевые акты. Субстантивный субъект — это кумулятивный эффект опытной принадлежности. Однако то, что субъект — не просто эпифеномен встроенной в опыт принадлежности или данности, а самостоятельный аспект ментальной реальности, подтверждается выводами из наблюдений 1–4, которые демонстрируют: субъект активен по отношению к своим ментальным содержаниям и отделен от любого конкретного феноменального эпизода, хотя и не от феноменального потока в целом.

Изложенные взгляды на субъективность сходны со взглядами Д. Захави, которые он отстаивал в ряде работ на протяжении более, чем двадцати лет [3; 8; 20; 28; 47–50]. Однако у Захави принадлежность (*mineness*) опыта тождественна минимальной самости или субъекту. Достоинство такого минимализма Захави видит как раз в том, что он позволяет нам отказаться от постулирования субъекта как сущности за пределами (*over and above*) потока сознания [3, 130]. Захави не утверждает, что самость исчерпывается минимальной самостью: в самом деле, агентный, волевой и нарративный аспекты субъективности могут быть «надстройками» над минимальной самостью [3, 128–129]. Но если не сделать эту оговорку и настаивать на сущностном тождестве субъекта свойству принадлежности, то он, по сути, сливается с одним из аспектов опыта. В таком случае становится невозможным объяснение независимости субъекта, которую он проявляет в приведенных выше наблюдениях.

Стоит отметить, что та же трудность возникает и для позиции Т. Бейна, хотя предложенная в статье модель отчасти близка к его

условно кантианским¹⁶ взглядам. Согласно «виртуальному феноменализму» Бейна [51, 289], субъекты опыта — не более, чем интенциональные сущности, чье тождество обусловлено когнитивной архитектурой, обеспечивающей единство сознания. Перефразируя заголовок влиятельного эссе Деннета [39], Бейн называет субъект (самость) «центром феноменальной гравитации». Несмотря на виртуальность самости у Бейна, он все же считает свою модель «квазиреалистическим» взглядом на природу субъекта. Вопреки квазиреализму Бейна и антиреализму таких философов, как Т. Мецингер, в данной статье отстаивается полноценный реализм относительно субъекта. Впрочем, вопрос о реальности субъекта совпадает с вопросом о реальности опыта постольку, поскольку, согласно выдвинутому тезису, один находится в генетической зависимости от другого¹⁷.

Заключение

В данной статье автор попытался показать, что тезис собственника и аргумент абстракции делают субстантивный эгологизм более убедительным несмотря на критику, которой эта позиция подвергалась на протяжении многих веков истории философии и подвергается по сей день. Как классические сторонники, так и современные оппоненты субстантивного эгологизма мыслят субъект-собственник как онтологическую сущность, наподобие картезианской мыслящей вещи. Но находящийся в центре сознания источник волевых актов может иметь феноменальную природу и порождаться сильным чувством принадлежности опыта. В результате проведенного анализа субъект сознания выглядит как ментальная субстанция, отдельная от опыта, но субстанция необязательно в «сильном» смысле Декарта, а в «слабом» — например, как отдельная и относительно независимая, но эмерджентная на феноменальности вещь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Bermúdez J.L.* Bodily awareness and self-consciousness // *The Oxford handbook of the self* / Ed. S. Gallagher. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 157–179.
2. *Gallagher Sh.* Relations between agency and ownership in the case of schizophrenic thought insertion and delusions of control // *Review of Philosophy and Psychology*. 2015. 6. P. 865–879.
3. *Zahavi D.* Subjectivity and selfhood: Investigating the first-person perspective. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2005. 294 p.

¹⁶ В части сходства постулирования виртуальной самости как интенционального объекта [51, 289] и изначально-синтетического единства апперцепции, выраженного в неизменно сопровождающем мои представления «я мысля» (КЧР В131).

¹⁷ Аргумент в пользу того, что реальности опыта достаточно для реальности самости, разработан в: [43].

4. *Sass L., Parnas J.* Schizophrenia, consciousness, and the self // *Schizophrenia Bulletin*. 2003. 29 (3). P. 427–44.
5. *Bortolotti L., M. Broome.* A role for ownership and authorship in the analysis of thought insertion // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2009. 8 (2). P. 205–224.
6. *Fasching W.* The mineness of experience // *Continental Philosophy Review*. 2009. 42. P. 131–148.
7. *Albahari M.* *Analytical Buddhism: The Two-tiered Illusion of Self.* Springer, 2016. 249 p.
8. *Zahavi D., Kriegel U.* For-me-ness: What it is and what it is not // *D. Dahlstrom, A. Elpidorou, W. Hopp* (eds). *Philosophy of mind and phenomenology: Conceptual and empirical approaches* // *Routledge Research in Phenomenology*. 2016. Vol. 2. P. 36–53.
9. *Hume D.* *A treatise of human nature.* Reprinted from the original edition in three volumes and edited with an analytical index. Oxford: Oxford University Press (Clarendon Press), 1960. 741 p.
10. *Siderits M., Thompson E., Zahavi D.* Introduction // *M., Siderits E. Thompson, D. Zahavi* (eds). *Self, no Self? Perspectives from analytical, phenomenological, and Indian traditions.* Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 1–26.
11. *Shoemaker S.* Self-reference and self-awareness // *Journal of Philosophy*. 1968. 65/19. P. 555–67.
12. *Wittgenstein L.* *The Blue and Brown Books: Preliminary Studies for the 'Philosophical Investigations'.* L.: Wiley-Blackwell, 1991. 192 p.
13. *Descartes R.* *Discours de la méthode. Texte et commentaire par Étienne Gilson.* P.: Librairie Philosophique J. Vrin, 1987. 520 p.
14. *Strawson G.* *Selves: An essay in revisionary metaphysics.* Oxford: Oxford University Press, 2009. 470 p.
15. *Lichtenberg G.C.* *Schriften und Briefe.* 2 Bd. München: Carl Hanser Verlag. 1971. 455 p.
16. *Sartre J.-P.* *La Transcendance de l'ego.* P.: Librairie Philosophique J. Vrin, 1966. 134 p.
17. *James W.* *The Principles of Psychology:* In 2 v. N.Y.: Henry Holt and Company, 1890. Vol. 1.
18. *Parfit D.* *Reasons and persons.* Oxford: Clarendon Press, 1984. 560 p.
19. *Gallagher S.* *How the body shapes the mind.* N.Y.: Oxford University Press. 2005. 294 p.
20. *Zahavi D.* *Self and Other: Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame.* Oxford: Oxford University Press, 2014. 295 p.
21. *Liang C., Lin W.H., Chang T.Y.* et al. *Experiential ownership and body ownership are different phenomena* // *Scientific Reports*. 2021. 11. 10602. P. 1–11.
22. *Synofzik M., Vosgerau G. & Newen A.* *I move, therefore I am: A new theoretical framework to investigate agency and ownership* // *Consciousness and Cognition*. 2008. Vol. 17, N 2. P. 411–424.
23. *Gallagher S.* *Philosophical conceptions of the self: implications for cognitive science* // *Trends in Cognitive Sciences*. 2000. Vol. 4, N 1. P. 14–21.
24. *Haan S. de, Bruin L. de.* *Reconstructing the minimal self, or how to make sense of agency and ownership* // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2010. Vol. 9, N 3. P. 373–396.
25. *Northoff G., Bermpohl F.* 2004. *Cortical midline structures and the self* // *Trends in cognitive sciences*. 2004. Vol. 8, Iss. 3. P. 102–107.
26. *Voegley K., Gallagher Sh.* *Self in the brain* // *Sh. Gallagher* (ed.). *The Oxford Handbook of the Self.* N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 111–136.

27. *Gallagher Sh.* Introduction: A diversity of selves // *Sh. Gallagher (ed.) The Oxford Handbook of the Self.* N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 1–32.
28. *Zahavi D.* Consciousness and Selfhood: Getting Clearer on For-Me-Ness and Mineness // *The Oxford Handbook of the Philosophy of Consciousness / Ed. by U. Kriegel.* Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 634–653.
29. *Lewis D.* Attitudes De Dicto and De Se // *The Philosophical Review.* 1979. Vol. 88, N 4. P. 513–543.
30. *Lowe E.J.* Substance and selfhood // *Philosophy.* Jan., 1991. Vol. 66, N 255. P. 81–99.
31. *Foster J.* The immaterial self: A defence of the Cartesian dualist conception of the mind. L.: Routledge. 1991. 322 p.
32. *Lund D.H.* The conscious self: The immaterial center of subjective states. Amherst; N.Y.: Humanity Books, 2005. 413 p.
33. *Gurwitsch A.* A non-egological conception of consciousness // *Philosophy and Phenomenological Research.* Mar., 1941. Vol. 1, N 3. P. 325–338.
34. *Metzinger T.* Being No One: The self-model theory of subjectivity. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. xii + 699 p.
35. *Metzinger T.* The Ego tunnel: The science of the mind and the myth of the self. N.Y.: Basic Books, 2009. 288 p.
36. *Metzinger T.* The self-model theory of subjectivity: a brief summary with examples // *HUMANA. MENTE Journal of Philosophical Studies.* 2010. Vol. 14. P. 25–53.
37. *Metzinger T.* The no-Self alternative // *S. Gallagher (ed.). The Oxford Handbook of the Self.* N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 279–296.
38. *McClelland T.* Against virtual selves // *Erkenntnis.* 2019. Vol. 84. P. 21–40.
39. *Dennett D.* “The self as a center of narrative gravity” // *F. Kessel, P. Cole, D. Johnson (eds).* Self and consciousness: Multiple perspectives. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1992. P. 103–115.
40. *Hood B.* The self illusion: Why there is no ‘You’ inside your head. L.: Constable & Robinson, 2012. 273 p.
41. *Husserl E.* *Husserliana 3: Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie.* 1. Halbband. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. 536 p.
42. *Frankfurt H.* Freedom of the will and the concept of a person // *Journal of Philosophy.* 1971. 68.1. P. 5–20.
43. *Турко Д.* Феноменальный минимализм в онтологии самости // *Антиномии.* 2021. Т. 21, № 4. P. 7–30.
44. *Peacocke Ch.* Descartes defended // *Proceedings of the Aristotelian society. Supplementary volumes.* 2012. Vol. 86. P. 109–125.
45. *Peacocke Ch.* The metaphysics of conscious subjects. Oxford: Oxford University Press, 2014. 283 p.
46. *Peacocke Ch.* The Mirror of the World: Subjects, Consciousness, and Self-Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2014.
47. *Zahavi D.* Self and Consciousness // *Exploring the Self: Philosophical and Psychopathological Perspectives on Self-Experience / Ed. by D. Zahavi.* Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 55–74.
48. *Zahavi D.* Is the Self a social construct? // *Inquiry.* 2009. Vol. 52, N 6. P. 551–573.
49. *Zahavi D.* The experiential Self: Objections and Clarifications // *Self, No Self?* Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 56–78.
50. *Zahavi D.* Self-awareness and alterity: A phenomenological investigation. Northwestern University Press, 2020. 294 p.
51. *Bayne T.* The unity of consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2010. 360 p.

REFERENCES

1. Bermúdez J.L. Bodily awareness and self-consciousness // *The Oxford handbook of the self* / Ed. by S. Gallagher. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 157–179.
2. Gallagher Sh. Relations between agency and ownership in the case of schizophrenic thought insertion and delusions of control // *Review of Philosophy and Psychology*. 2015. 6. P. 865–879.
3. Zahavi D. *Subjectivity and selfhood: Investigating the first-person perspective*. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2005. 294 p.
4. Sass L., Parnas J. Schizophrenia, consciousness, and the self // *Schizophrenia Bulletin*. 2003. 29(3). P. 427–44.
5. Bortolotti L., M. Broome. A role for ownership and authorship in the analysis of thought insertion // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2009. 8(2). P. 205–224.
6. Fasching W. The mineness of experience // *Continental Philosophy Review*. 2009. 42. P. 131–148.
7. Albahari M. *Analytical Buddhism: The Two-tiered Illusion of Self*. Springer, 2016. 249 p.
8. Zahavi D., Kriegel U. For-me-ness: What it is and what it is not // D. Dahlstrom, A. Elpidorou, W. Hopp (eds). *Philosophy of mind and phenomenology: Conceptual and empirical approaches* // *Routledge Research in Phenomenology*. 2016. Vol. 2. P. 36–53.
9. Hume D. *A treatise of human nature*. Reprinted from the original edition in three volumes and edited with an analytical index. Oxford: Oxford University Press (Clarendon Press), 1960. 741 p.
10. Siderits M., Thompson E., Zahavi D. Introduction // M., Siderits E. Thompson, D. Zahavi (eds). *Self, no Self? Perspectives from analytical, phenomenological, and Indian traditions*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 1–26.
11. Shoemaker S. Self-reference and self-awareness // *Journal of Philosophy*. 1968. 65/19. P. 555–67.
12. Wittgenstein L. *The Blue and Brown Books: Preliminary Studies for the 'Philosophical Investigations'*. L.: Wiley-Blackwell, 1991. 192 p.
13. Descartes R. *Discours de la méthode*. Texte et commentaire par Étienne Gilson. P.: Vrin, 1987. 520 p.
14. Strawson G. *Selves: An essay in revisionary metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 470 p.
15. Lichtenberg G.C. *Schriften und Briefe*. 2 Bd. München: Carl Hanser Verlag. 1971. 455 p.
16. Sartre J.-P. *La Transcendance de l'ego*. P.: Librairie Philosophique J. Vrin, 1966. 134 p.
17. James W. *The Principles of Psychology*, vol. 1, 2 vols. N.Y.: Henry Holt and Company, 1890.
18. Parfit D. *Reasons and persons*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 560 p.
19. Gallagher S. *How the body shapes the mind*. N.Y.: Oxford University Press. 2005. 294 p.
20. Zahavi D. *Self and Other: Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 295 p.
21. Liang C., Lin W.H., Chang T.Y. et al. Experiential ownership and body ownership are different phenomena // *Scientific Reports*. 2021. 11:10602. P. 1–11.
22. Synofzik M., Vosgerau G. & Newen A. I move, therefore I am: A new theoretical framework to investigate agency and ownership // *Consciousness and Cognition*. 2008. Vol. 17, N 2. P. 411–424.
23. Gallagher S. Philosophical conceptions of the self: implications for cognitive science // *Trends in Cognitive Sciences*. 2000. Vol. 4, N 1. P. 14–21.

24. Haan S. de, Bruin L. de. Reconstructing the minimal self, or how to make sense of agency and ownership // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2010. Vol. 9, N 3. P. 373–396.
25. Northoff G., Bermpohl F. 2004. Cortical midline structures and the self // *Trends in cognitive sciences*. 2004. Vol. 8, Iss. 3. P. 102–107.
26. Vogeley K., Gallagher Sh. Self in the brain // Gallagher Sh. (ed.). *The Oxford Handbook of the Self*. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 111–136.
27. Gallagher Sh. Introduction: A diversity of selves // Gallagher Sh. (ed.) *The Oxford Handbook of the Self*. N.Y.: Oxford University Press, 2011, P. 1–32.
28. Zahavi D. Consciousness and Selfhood: Getting Clearer on For-Me-Ness and Mineness // *The Oxford Handbook of the Philosophy of Consciousness / Ed. by U. Kriegel*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 634–653.
29. Lewis D. Attitudes De Dicto and De Se // *The Philosophical Review*. 1979. Vol. 88, N 4. P. 513–543.
30. Lowe E.J. Substance and selfhood // *Philosophy*. 1991. Vol. 66, N 255. P. 81–99.
31. Foster J. The immaterial self: A defence of the Cartesian dualist conception of the mind. L.: Routledge. 1991. 322 p.
32. Lund D.H. The conscious self: The immaterial center of subjective states. Amherst; N.Y.: Humanity Books. 2005. 413 p.
33. Gurwitsch A. A non-egological conception of consciousness // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1941. Vol. 1, N 3. P. 325–338.
34. Metzinger T. Being No One: The self-model theory of subjectivity. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. xii + 699 p.
35. Metzinger T. The Ego tunnel: The science of the mind and the myth of the self. N.Y.: Basic Books, 2009. 288 p.
36. Metzinger T. The self-model theory of subjectivity: a brief summary with examples // *HUMANA. MENTE Journal of Philosophical Studies*. 2010. Vol. 14. P. 25–53.
37. Metzinger T. The no-Self alternative // S. Gallagher (ed.). *The Oxford Handbook of the Self*. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 279–296.
38. McClelland T. Against virtual selves // *Erkenntnis*. 2019. Vol. 84. P. 21–40.
39. Dennett D. “The self as a center of narrative gravity” // F. Kessel, P. Cole, D. Johnson (eds). *Self and consciousness: Multiple perspectives*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1992. P. 103–115.
40. Hood B. The self illusion: Why there is no ‘You’ inside your head. L.: Constable & Robinson, 2012. 273 p.
41. Husserl E. *Husserliana 3: Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. 1. Halbband. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. 536 p.
42. Frankfurt H. Freedom of the will and the concept of a person // *Journal of Philosophy*. 1971. 68.1. P. 5–20.
43. Tourko D. Phenomenal Minimalist Ontology of the Self // *Antinomii*. 2021. Vol. 21, N 4. P. 7–30. (In Russ.)
44. Peacocke Ch. Descartes defended // *Proceedings of the Aristotelian society. Supplementary volumes*. 2012. Vol. 86. P. 109–125.
45. Peacocke Ch. *The metaphysics of conscious subjects*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 283 p.
46. Peacocke Ch. *The Mirror of the World: Subjects, Consciousness, and Self-Consciousness*. Oxford University Press, 2014.
47. Zahavi D. *Self and Consciousness // Exploring the Self: Philosophical and Psychopathological Perspectives on Self-Experience*, ed. by D. Zahavi. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 55–74.

48. Zahavi D. Is the Self a Social Construct? // *Inquiry*, 2009. Vol. 52, N 6. P. 551–573.
49. Zahavi D. *The Experiential Self: Objections and Clarifications // Self, No Self?* Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 56–78.
50. Zahavi D. *Self-Awareness and Alterity: A Phenomenological Investigation.* Northwestern University Press, 2020. 294 p.
51. Bayne T. *The Unity of Consciousness.* Oxford: Oxford University Press, 2010. 360 p.

Информация об авторе: *Турко Дмитрий Сергеевич* — магистр философии, аспирант, стажер-исследователь Школы философии НИУ ВШЭ, тел.: +7 (926) 719-45-47; tourko.dmitry@gmail.com

Information about the author: *Tourko Dmitry Sergeevich* — Master of Philosophy, postgraduate student, research intern at the School of Philosophy, National Research University “Higher School of Economics”, tel.: +7 (926) 719-45-47; tourko.dmitry@gmail.com

Поступила в редакцию 11.012.2021;
ринята к публикации 20.02.2022